

Ю Дачунь бросил в бой все свои силы, и людей у него было немало. Если бы это происходило не на границе Цзююаня, а в окрестностях столицы, выиграв время, он, возможно, и преуспел бы. Увы, здесь хозяйничала армия Хо Яня — Стражи Севера. Сколько ни будь силён, если задумал недоброе, представляешь угрозу — будешь раздавлен.

Грохот сражения разносился далеко вокруг, и на него уже откликнулись многочисленные солдатские дозоры. Положение медленно, но неотвратимо менялось, отчаянное сопротивление оборачивалось безнадёжностью. Ю Дачунь больше не мог этого выносить. Стиснув зубы до хруста, он кровавыми глазами уставился в сторону Гу Тина, крепче сжал кинжал, пригнулся и, петляя, стал бесшумно пробираться прочь из свалки, прямо к своей цели...

Гу Тин в это время возился с рысёнком и не замечал опасности за спиной. Шум боя оглушал, и он не услышал ни шагов, ни шороха, пока Ю Дачунь не оказался вплотную.

— Мяс! — вдруг взъерошился рысёнок, яростно зашипев в сторону спины хозяина. Маленькое тельце рванулось вперёд. Гу Тин, ещё не успев обернуться, по наитию взметнул руку — и рукавная стрела со свистом ушла за спину.

— Суч...

Не успев договорить, Гу Тин обернулся. Ю Дачунь был уже мёртв. Он лежал, уставившись в небо остекленевшими глазами. В его груди торчали две стрелы: одна — рукавная Гу Тина, другая — армейская. Обе попали прямо в сердце.

Гу Тин остолбенел. Этого уж точно не было в планах. Он никогда не славился меткостью, как же так вышло? И откуда взялась вторая стрела?

Медленно, с лёгким смущением, он повернулся к Хо Яню.

Тот, поправив колчан у стоявшего рядом солдата, спокойно опустил руку.

— Что умер, то умер. Ничего страшного.

Гу Тин опустил глаза, приводя в порядок свой рукавной арбалет.

«Ничего страшного» быть не могло. Ю Дачунь был родным братом драгоценной наложницы Ю. Нынешний император взошёл на престол двенадцать лет назад, так и не назначив императрицу. Во всём задворье одна драгоценная наложница Ю и правила, купаясь в монаршей милости. Именно благодаря этой милости род Ю и вознёсся, шаг за шагом. Сам государь лично выдвинул Ю Дачуня и отправил его сюда. И теперь этот человек погиб на землях Хо Яня. Разве императору это понравится? Разве драгоценная наложница смирится со смертью родного брата?

Нет. Будь Ю Дачунь победителем или побеждённым, они бы пристально следили за исходом. А уж потеряв жизнь...

Хо Янь до сих пор терпел Ю Дачуня, позволяя ему бесчинствовать, лишь бы избежать лишних хлопот.

Но раз уж случилось — что поделаешь? Придётся встречать проблемы по мере поступления. Хлопот прибавится, но Гу Тин не боялся трудностей — нет такой преграды, которую нельзя преодолеть. Просто...

Он украдкой глянул на Хо Яня. Опять придётся втягивать его в свои беды.

Кто бы ни начал этот счёт, расплачиваться в итоге придётся Хо Яню. Тот отнёсся к происшедшему легко, и у него, конечно, хватит сил всё уладить. Но Гу Тин не мог делать вид, будто ничего не произошло.

...Тоска.

Дальнейшие события закрутились в водовороте дел. Место схватки нужно было расчистить — не оставлять же столько тел на всеобщее обозрение. Требовалось составить подробный отчёт о смерти «важной персоны». Скрыть такую весть невозможно, и лучше самим отправить наверх развёрнутый доклад, чем ждать, пока другие начнут сочинять небылицы. Нужно было сообщить о смерти, изложить причины и следствия, детально описать ситуацию с трупным ядом. А ещё — выдержать тон, расставить акценты, решить, о чём сказать в первую очередь, а что оставить на потом, как принести извинения и какие именно... Всё это требовало тонкого подхода.

Поскольку Хо Янь ещё не оправился от тяжёлой болезни, эта неотложная задача легла на плечи Ся Саньму. Спал ли он ночами, сыпались ли у него от стресса волосы — никто не знал, потому что все были заняты по горло.

Фань Дачуань твёрдо держал центр, действуя жёстко и непреклонно: заслуги поощрялись, проступки карались — и карались сурово. Хотя он и сам был отравлен трупным ядом, с приёмом противоядия не торопился. Сейчас главным было сохранить боевой дух войска. Строгая дисциплина в сочетании с твёрдым руководством только сплотила Стражей Севера, сделала их более собранными и заботливыми друг о друге.

Вэн Минь, человек внимательный, взял на себя распределение врачей и лекарств. Он лично проверял состояние тяжелобольных солдат, вёл точный учёт заражённых, организовывал приготовление и раздачу отваров — всё чётко, без сучка без задоринки.

Холодной лунной ночью укреплённый форт Стражей Севера ярко светился. Во дворе поставили несколько огромных котлов, и в них всю ночь кипели целебные снадобья.

Отравление — не болезнь. Противоядие действовало быстро: один приём давал видимый эффект, а после трёх доз яд выводился полностью. Лекарство очищало организм от токсина, но накопившаяся слабость и прочие недуги никуда не девались — тут уже требовались врачи. Так что солдаты кто травился — лечился от отравления, кто болел — от болезни, кто был ранен — залечивал раны. Лекари постоянно находились рядом, отслеживая состояние и при необходимости меняя назначения.

Как, например, у Хо Яня: он принимал и противоядие, и снадобье от простуды, лечась сразу от двух хворей.

Результат, впрочем, радовал. Противоядие оказалось мягким, не конфликтовало с другими лекарствами и действовало эффективно.

Дун Чжунчэн прибыл на следующий день после полудня, вовремя разрешив проблему нехватки медикаментов в кладовых. Он привёз не только больше десятка телег с лекарствами, но и много провизии: отборную баранину и говядину, свежие овощи, всяческие сушёные припасы. Много из этого даже не было его заготовками — жители Цзююаня, узнав, что он едет к армии, тайком подкладывали своё.

Яд вывели, болезни пошли на убыль, а тут ещё и такое угощение — как не радоваться? Солдаты кричали от восторга, словно наступил праздник. Те, кто не был в наряде, даже припрятанное спиртное достали.

Гу Тин встретился с Дун Чжунчэном. Тот был взволнован, говорил, что в городе всё хорошо, и с радостью делился новостями: как поживают люди, что творится на улицах, как все готовятся встретить Новый год! Жаль, что дела не терпят, задерживаться Дун Чжунчэн не мог, поговорили недолго — и он уже спешил прощаться, договорившись встретиться в Цзююане на праздниках.

Самое трудное позади, значит, и праздник удастся на славу. Обо всём остальном можно будет поговорить и потом!

Гу Тин тоже был рад. Проводив Дун Чжунчэна, он задумался, когда же самому отправляться в путь.

Этим вопросом он задавался ещё с той самой ночи.

— А как думаешь, малыш? — улыбнулся он, почёсывая рысёнка за ушком.

Маленький зверёк, которого Гу Тин принёс в свою комнату, в первую же ночь устроился на его кровати. Хо Янь сразу принял лекарство, и цвет лица у него заметно улучшился. Лекарь, пощупав пульс, лишь обрадовался — похоже, никаких неожиданностей уже не предвиделось. Так что Гу Тин не стал дежурить у постели Хо Яня, а вернулся к себе и заснул, обняв рысёнка.

На улице стоял лютый холод, да и малыш был ещё слишком мал, поэтому Гу Тин не рискнул его купать. Перед сном он лишь тщательно обтёр его с ног до головы тёплой влажной тряпицей, а потом долго сушил пушистую шёрстку у жарко натопленной печки, и только тогда, удовлетворённый, улёгся спать.

Ночь выдалась долгой, комната была тёплой, а Гу Тин, измотанный и наконец-то расслабившийся, проспал долго-долго, проснувшись уже при ярком дневном свете. Даже уголь в печи успели подменить.

— Мрр-мяу! — Рысёнок подбежал и потёрся мордочкой о его щёку.

Гу Тин потрепал его по голове.

— И тебе доброе утро.

Ещё вчера он решил, что с утра непременно соорудит для малыша миску и мягкую лежанку — ведь еда и сон прежде всего. Но, одевшись и подойдя к столу, он увидел, что всё уже готово — и миска, и лежанка аккуратно стояли в углу.

Рысёнок, похоже, ещё не понял, что это его новые владения, и с любопытством обнюхивал незнакомые предметы. То забирался внутрь лежанки, то выскакивал и тащил её за край зубами, то опрокидывал лапкой пустую миску.

Но когда в миску положили еду, он мгновенно преобразился. Уткнувшись в неё чуть ли не всем телом, он ел, не отрываясь.

Наевшись, он даже на мгновение почтительно посмотрел на миску, а потом с мяуканьем прибежал к Гу Тину, требуя ласки и внимания. Похоже, новые удобства пришлись ему по душе.

Всё это приготовил Хо Янь.

Гу Тин гладил круглую головку зверька, его взгляд смягчился, в нём мелькнула задумчивость.

В другой комнате Хо Янь поднёс к губам пиалу с отваром.

— Всё отнесли?

Ся Саньму, мучившийся над докладом, стоял у кровати. Рядом был Фань Дачуань.

— Отнесли, — ответил тот.

Хо Янь подул на пар, поднимающийся от пиалы, и спросил будто невзначай:

— Он обо мне не спрашивал?

Фань Дачуань честно покачал головой.

— Нет. Когда отнесли, господин Гу ещё спал. Проснувшись — тоже не спросил.

Рука Хо Яня замерла. Взгляд его постепенно потемнел.

<http://bllate.org/book/16279/1466402>